

УДК 342.33

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-505-512

**ОГРАНИЧЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПАРЛАМЕНТА
КАК ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ
ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОЙ ВЛАСТИ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ СООБРАЖЕНИЯ**

**RESTRICTIONS OF THE LEGISLATIVE POWERS OF THE PARLIAMENT
AS A CONDITION FOR ESTABLISHING A BALANCED AUTHORITIES:
HISTORICAL AND CONSTITUTIONAL CONSIDERATIONS**

**Яцек Залесны¹, Ярослав Шиманек²
Jacek Zalesny, Yaroslav Szymanek**

¹ Варшавский университет (Польша),
Варшава, ул. Nowy Świat, 69 (Польша)

² Аналитическое управление Канцелярии Сейма (Польша),
Варшава, ул. Wiejska, 4/6/8

¹University of Warsaw,
69 street Nowy Świat, Warsaw

²Analytical Department of the Office of the Seimas (Poland),
4/6/8 street Wiejska, Warsaw

e-mail: jaroslawszymanek@o2.pl

Аннотация

Осуществлен обзор и оценка процесса становления и развития контроля конституционности законов в Европе. Сфокусировано внимание на результатах данного процесса, следующих из особого значения закона как парламентского акта, соотносимого с выражением воли суверена. Исследован генезис процесса контроля конституционности законов и его основные фазы, а также обоснованы сопутствующие им противоречия в государственном устройстве. Сделан вывод, что в настоящее время контроль законодательной деятельности парламента имеет сложный характер и осуществляется такими субъектами, как: парламентом, который во время законотворческой процедуры должен предусмотреть особые решения, направленные на проверку соответствия закона конституции; главой государства, который как гарант конституции должен проверять соответствие принятого закона конституционным стандартам; конституционные суды (либо другие аналогичные ним органы), оценивающие конституционность законов.

Abstract

The review and evaluation of the process of formation and development of control of constitutionality of laws in Europe. Attention is focused on the results of this process, following from the special importance of the law as a parliamentary act, correlated with the expression of the will of the sovereign. Genesis of process of control of constitutionality of laws and its main phases is investigated, and also the contradictions accompanying them in the state structure are proved. It is concluded that currently the control of legislative activity of the Parliament is complex and is carried out by such subjects as: the Parliament, which during the legislative procedure should provide for special decisions aimed at checking the compliance of the law with the Constitution; the head of state, which, as the guarantor of the Constitution, should check the

compliance of the adopted law with constitutional standards; constitutional courts (or other similar bodies), assessing the constitutionality of laws

Ключевые слова: становление и развитие контроля конституционности законов, европейские страны, закон как акт парламентской, баланс власти

Key words: formation and development of control over the constitutionality of laws, european countries, law as an act of parliamentary, balance of power.

В современных государствах контроль законодательной деятельности парламента признается конституционным стандартом – обязательным и очевидным условием защиты прав и свобод граждан от риска неконституционной деятельности парламента. Необходимость введения данного рода оценки была выражена в конце XVIII в. Она была сформулирована в связи с формированием современных парламентав, создаваемых на основании актуального толкования политического представительства суверена, приобретающих все большее значение политических фракций и в связи с распространением избирательного права в парламента. В то время полагалось, что законодательная деятельность парламента должна проверяться на предмет ее соответствия фундаментальным законам государства. Установление данного рода контроля, однако, в течение долгого времени встречало препятствия на своем пути. Первым и наиболее важным было следующее убеждение: парламента как выразитель воли самого суверена не может подлежать никакому контролю. Следовательно, это означало бы косвенный контроль самого народа, что, в свою очередь, ставило под вопрос его суверенный характер, а этого по принципиальным соображениям нельзя было допустить. Тот, кто должен был контролировать соответствие законов конституции, должен был располагать аналогичным политическим основанием, что и автор законов. Де-факто данное условие соблюдено было только самим парламентом, и, в сущности, единственной правовой формой контроля законов был парламентский самоконтроль [Piotrowski, 1997].

Другим также часто называемым аргументом против контроля законодательной деятельности парламента была позиция парламента в структуре государственных органов. Данная позиция в классическом конституционном праве была исключительной, что обуславливалось его представительским характером и тем, что он выражает не свою собственную волю, а волю суверенного народа. Если выражение данной воли, как было принято считать, должно быть полным и вместе с тем эффективным, то орган, выражающий ее, то есть парламента, должен был занимать доминирующую позицию среди всех других органов, составляющих так называемый государственный аппарат. В некоторых системах, например, во Франции или Великобритании XIX века, данная точка зрения ушла еще дальше, поскольку восприятие парламента как верховного, и что с этим связано, наиболее важного органа в государстве сформулировало в конечном результате принцип суверенности парламента в соответствии с идеей о том, что «нет никакой иной воли кроме воли парламента», чему способствовало в то время отсутствие института непосредственной демократии. В результате этого стандартным решением являлось отсутствие процедур контроля, а воля парламента, выражением которой была, в том числе, суть закона, не подлежала ничьему контролю. Данную конструкцию дополняла дефиниция закона, согласно которой он был «проявлением всеобщей воли», тем более не встречающей никаких барьеров в виде, например, процедур контроля.

Однако со временем было признано, что также и деятельность парламента должна быть помещена в корсет процедур контроля. Как правильно аргументировалось, отход от абсолютизма должен повлечь за собой установление проверочных механизмов также относительно парламента. Но и в парламенте усматривался источник угрозы правам и свободам граждан. Как говорил Джеймс Мэдисон во время работы над созданием американской конституции, и это не были отдельные мысли, абсолютным тираном может быть в

равной степени как личность, группа, так и несколько сотен депутатов законодательной власти, если над ними не существует никакой инстанции, которая бы их проверяла и сдерживала.

Заявляемый все более громко постулат введения контрольного механизма привел в результате к коррекции законотворческой процедуры, в которую были внесены проверочные механизмы. В последствии парламент и далее был монополистом, а его законодательных действий никто извне не контролировал, однако с теоретической точки зрения это было, несмотря ни на что, существенное изменение. Поскольку принятый парламентом закон воспринимался не только как выражение всеобщей воли (суверена), но и как результат проверочных действий, целью которых была оценка того, будет ли соблюдена законодательная процедура, и соответствовала ли суть закона изначально принятым основам (трактуемым либо как всеобщая воля, либо как чувство справедливости, либо как действия, соответствующее государственным интересам, либо, в конце концов, как действие, соответствующее конституции).

Таким образом возникла концепция законодательного самоконтроля парламента. Она признавала, что если парламент принял окончательно закон, то тем самым он признал, что он принят надлежащим образом с точки зрения процедуры, и что он верен с материальной точки зрения (содержательной). Во-первых, это было связано с регламентированием и конкретизацией регламентных условий законодательного процесса, который из данных соображений требовал все более детальных норм и все больше этапов на уровне парламентских работ (работы в комиссиях, на пленарных заседаниях палат). Во-вторых, концепция самоконтроля парламента осуществила переориентирование статуса в устройстве государства верхней палаты парламента, которую с этого времени начали воспринимать как палату, на которую накладывается особая обязанность заботы о качестве создаваемого парламентом закона. В результате этого верхнюю палату стали определять именами «ревизионной палаты», «палаты законодательной сдержанности», «контрольной палаты» или «палаты размышлений и рассудительности», а определяющей идеей двухпалатного парламента стало своеобразное разделение задач обеих палат. Нижней палате было предоставлено принятие закона определенной формы, а верхняя палата, в свою очередь, должна была ее контролировать как с формальной, так и с материальной точки зрения. Таким образом принятый окончательно парламентом закон воспринимался не только как акт воли самого суверена, выразителем которой являлся парламент, но также как акт заверченный, с юридической точки зрения «идеальный» в том аспекте, что он отвечает требованиям конституционной корректности.

Однако к таким образом сформулированной концепции контроля законодательных прав парламента были заявлены критические замечания. Одним из основных и наиболее часто формулируемых было то обстоятельство, что таким образом организованный контроль был в действительности самоконтролем, что, в свою очередь ставило под вопрос его объективный характер. Было замечено, что он целится в принцип *nemo iudex in causa sua* (никто не может быть судьей в собственном деле), что критика такого положения вещей привела к тому умозаключению, что пока контроль является самоконтролем, до той поры он не является, в сущности, никаким контролем. Помимо этого, указывалось на недостаточный профессионализм парламентского контроля и его, главным образом, политического характера. Также акцентировалось внимание на том, что в основной системе, определяющей ритм работы парламента, т.е. в правительстве – оппозиция, законодательный контроль являются по определению неэффективными, поскольку парламентская оппозиция, именно по той причине, что является парламентской оппозицией, может только критиковать, а правящее большинство и так поступит по-своему.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на произошедший в дальнейшем уход от модели самоконтроля, определенные свойственные ему решения остались. Первым является принцип того, что, хотя в настоящее время орган, осуществляющий контроль законодательной деятельности парламента, находится вне парламента, однако палаты в своих ре-

гламентных процедурах все еще имеют обязанность установления таких решений, цель которых определяет контроль принимаемого закона с точки зрения его соответствия конституции. Вторым является коррелируемая с этим концепция законодательных обязанностей парламента. Согласно ней, на парламент возложены обязанности двойкой формы, т.е. 1) так называемая позитивная обязанность, заключающаяся в требовании развития и детализации конституционных регулирований, что происходит, главным образом, посредством установления законов, задачей которых является в большей степени детализация конституционных установок и 2) так называемая негативная обязанность, заключающаяся в запрете установления закона, несоответствующего конституции. Третьим решением, представляющим собой отголосок оставшегося в истории права парламента на самоконтроль принимаемого им закона, является существующий сегодня принцип предположительного соответствия принимаемых законов конституции [Dąbrowski, 2017]. Согласно нему, закон, принятый парламентом, до того момента толкуется как соответствующий закону высшего порядка, пока его соответствие не будет поддано сомнению другим органом (например, конституционным судом), наделенным правом оценки законотворческой деятельности палаты (палат).

Волна критики, с которой была встречена парламентарная модель контроля (самоконтроля) законодательной деятельности, спровоцировала поиск механизмов другого вида эффективной (т.е. объективной и, по возможности, профессиональной) проверки законодательной деятельности палат. Их основным принципом было размещение контролирующего субъекта вне парламента. Хронологически первое такое предложение было заявлено в 1795 г. – в революционной Франции (во время конституционных работ) Эммануэлем-Жозефом Сийесом. Он предложил возложить контроль конституционности законов на элитарное *Конституционное жюри* (*jurie constitutionnaire*). Оно должно было быть выделенным и самостоятельным государственным органом. Первое *Жюри* должны были выбрать парламентарии из своего состава. Ежегодно *Жюри* должно было сменяться новым. Выбор преемников должно было осуществлять *Жюри* из числа парламентариев, срок полномочий которых истекал. *Конституционное жюри* должно было, прежде всего, исследовать на соответствие конституции акты государственной власти и отменять противоречащие ей [Szymanek, 2016; Wiszowaty, 2019]. Оно также должно было играть роль власти, устанавливающей государственное устройство путем формулирования предложения изменений конституции, чтобы гарантировать ее внутреннюю целостность. Э.-Ж. Сийес осознавал то, что законодательный контроль не является типичной судебной деятельностью, поэтому орган, который он предлагал создать, назвал *jury*, а не *court*. Он замечал, что это деятельность, имеющая политические последствия. Орган, выполняющий ее, находится между ветвями власти. Он имеет черты суда, касается законодательной деятельности, а результаты его деятельности оказывают влияние на конституцию, т.е. формирование государственного устройства. Проект Э.-Ж. Сийеса был поддан критике и отклонен как угрожающий правам Конвента. Как убеждал Антуан Клер Тибодо, «эта чудовищная власть была бы всем в государстве. Если дать государственной власти стража, это означает дать ей господина, который бы ее связал, чтобы ему было легче ее контролировать» [Burdeau, 1969, p. 374].

Хоть концепция конституционного жюри Сийеса не была реализована, вместе с тем, осталась проблема угроз, связанных с риском законотворческого произвола парламента. Таким образом, было признано, что единственно верным решением является возложение контроля над законами на главу государства, что нашло выражение в институте промюльгации закона. Действия главы государства, уполномоченного подписывать законы и распоряжаться об их обнародовании – публикации в официальном издании, воспринималось в категориях проверки, соответствует ли принятый парламентом закон необходимым требованиям. Спорным вопросом было, однако, определение критериев контроля закона главой государства. Бесспорным было то, что глава государства, прежде, чем подписать закон и направить его в печать, может оценить, был ли он принят с соблюдением всех

процедур (конституционных, законодательных и регламентных). Так называемый формальный (процедурный) контроль, следовательно, был очевидным фактором. Спор касался, однако, того, имеет ли глава государства возможность предметной проверки (по сути). В конце концов было признано, что глава государства контролирует только процедурный аспект создания парламентом закона и на случай признания, что были нарушены процедуры, может направить закон повторно в парламент, чтобы тот снова его принял, и благодаря этому исправил возможные процедурные несоответствия, констатируемые при первом принятии. В то же время было признано, что не существует возможности, чтобы посредством промульгации оценивать соответствие содержания закона конституции, хотя бы из тех соображений, что повторное принятие закона не связывалось с внесением в него какого-либо нового содержания.

Контроль законодательной деятельности парламента главой государства был высоко оценен. Считалось, что он решительно лучше ранее реализованной модели самоконтроля парламента, и это, по крайней мере, по нескольким причинам. Во-первых, потому, что контроль перестал быть самоконтролем. Во-вторых, потому, что глава государства, от которого ожидалась политическое беспристрастие, выполняя полномочия контроля, поступал – по крайней мере, должен был поступать – объективно, что повышало эффективность контроля. В-третьих, он давал хорошие доктринальные основания участия главы государства в процессе доведения закона до результата. Впрочем, стоит заметить, что последствием данной доктринальной интерпретации участия главы государства, являющейся до сегодняшнего дня приписываемая ему функция гаранта конституции, родословная которой уходит именно во времена, когда в главе государства усматривался контролер законодательной деятельности парламента.

Тем не менее, контроль в исполнении главы государства имел также существенные недостатки. Наиболее важным была фрагментарность данного контроля и тот факт, что за рамками оставался материальный (предметный) аспект контролируемых актов, что де-факто означало только половинчатый контроль. Другим недостатком было отсутствие профессионализма в таком контроле. Еще одним минусом была оговорка о том, что республиканский глава государства (в то время чаще всего приходивший на пост путем проведения выборов в парламенте) необязательно должен был быть органом действительно беспристрастным и абсолютно объективным. Относительно республиканского главы государства, приходившего на пост вследствие парламентских выборов, указывалось, что он не является на 100 % органом, абсолютно независимым от парламента (что хорошо подчеркивала Третья французская республика), и что следует, скорее всего, поискать другой субъект, который будет лучше контролировать законодательные акты, принимаемые палатой (палатами). Тем более так сложилось, что глава государства, действуя в качестве органа, осуществляющего промульгацию, был включен в законодательный процесс, что в свою очередь, приводило к тому, – согласно критикам данного положения вещей – что контроль постоянно был внутренним контролем в том смысле, что осуществлялся в рамках законодательного процесса, неотъемлемой частью которого был монарх или президент. По этим причинам были предприняты поиски очередного механизма контроля.

В первых трех декадах XX века было признано, что таким идеальным решением будет возложить осуществление контроля законотворческой деятельности парламента на суды или органы, приближенные к ним в аспекте их роли в государственном устройстве. Так было решено, прежде всего, по той причине, что это размещало контролирующий орган за рамками законодательного процесса, кроме того – предполагался его абсолютный профессионализм. Имело значение также то обстоятельство, что суды были наделены атрибутом отдельной и независимой власти, что гарантировало абсолютный объективизм осуществляемой ими контролирующей деятельности. Определенный опыт несла американская практика (в которой с середины XIX века начали приводить в исполнение модель судебного контроля конституционности судами, в том числе Верховным Судом), также внесла свою лепту развивающаяся на европейской почве доктрина конституционного права.

В создании внешней модели законодательной деятельности парламента особые заслуги имел Ганс Кельзен [Клишас, 2015], сформулировавший теоретическую модель конституционного суда, как (по его мнению) оптимального решения проблемы конституционности законов. Он предполагал, что контроль законотворческой деятельности парламента, в отличие от американской модели, не должен быть возложен на суды общей юрисдикции, а должен быть доверен одному, особому органу государственной власти, определяемому как конституционный суд или трибунал (что должно было подчеркнуть приближенный к судебному профиль его деятельности). Несмотря на то, что Г. Кельзен использовал термин «суд», следует подчеркнуть, что он не воспринимал конституционный суд как любой другой суд. Термин суд должен был только дать ощущение независимости осуществления деятельности, тем более, что Г. Кельзен осознавал то, что поле деятельности данного органа, безо всякого сомнения, является политическим [Favoreu, 1990, p. 56]. В связи с этим зачастую вместо того, чтобы говорить о конституционном суде (*cour constitutionnelle*), он говорил о суде политическом (*cour politique*), поскольку деятельность данного суда, заключающаяся в оценке законотворческой деятельности парламента, определял как деятельность политическую. Дополнительным элементом, делающим конституционный суд органом, бесспорно, политическим, был для Г. Кельзена метод его формирования, который либо предполагал назначение членов данного органа парламентом, либо парламентом, действующим совместно с другим органом (например, главой государства).

Конституционный суд, или иначе называемый орган государственной власти, играющий его роль, должен был быть особым политическим органом государства, который по принципу исключительности должен был осуществлять контроль законодательной деятельности парламента. Более того, принципиальной идеей конституционного суда, в случае утверждения им неконституционности исследуемого закона, должно было быть отклонение несоответственного регулирования. Причем, по мнению Г. Кельзена, должна была проявиться сущность суда и его оригинальность по отношению к предыдущим видам контроля законотворческой деятельности парламента. Тем не менее, сам Г. Кельзен добавлял, что то, что должно придавать конституционному суду его важнейшее специфическое свойство, является также тем, что в еще большей степени делает его политическим органом. Более того, благодаря праву возможного отклонения законов, суд волей-неволей превращался в законодательный орган с той только разницей, что действует он специфическим образом, заключающимся в отклонении и введении законов в систему действующих правовых норм. Поэтому конституционный суд был назван также Г. Кельзенем «негативным законодателем» (*législateur négatif*), а законотворческую деятельность в целом он делил на имеющую позитивный характер (которую выполнял парламента, поскольку он вводит новые нормы в систему) и негативный характер (реализуемый конституционным судом в момент утверждения неконституционности, вызывающий результат дерогации).

Идея Г. Кельзена была признана «прототипом» европейской модели конституционности права [Sweet, 1990]. В межвоенный период она была частично реализована. Конституционные суды предполагались в Чехословакии, Австрии и Испании. После Второй мировой войны конституционное правосудие было признано стандартом и сегодня функционирует в большинстве демократических государств [Нуриев, 2015], хотя во многих из них ведется спор о рамках полномочий конституционного суда и его статусе в системе государственного устройства (речь идет, главным образом, о его легитимизации и судебном либо внесудебном характере). В некоторых государствах, в которых не был создан конституционный суд согласно концепции Г. Кельзена, контроль законодательной деятельности парламента возложен на особые органы (например, французский Конституционный совет, казахстанский Конституционный совет) или также на все суды общей юрис-

дикции, равно как наивысшие инстанции судов общей юрисдикции или административных судов (США, Бельгия, Греция, скандинавские государства).

Подводя итог, следует констатировать, что в настоящее время принято считать, что контроль законодательной деятельности парламента имеет сложный, многосубъектный характер. Это означает, что свое участие в данном контроле имеют: 1) парламент, который во время законотворческой процедуры должен предусмотреть особые решения, направленные на проверку соответствия закона конституции; 2) глава государства, который как гарант конституции должен проверять, отвечает ли закон, принятый законодательной властью, конституционным стандартам; 3) конституционные суды (либо другие аналогичные им органы), которые оценивают конституционность законов, а дополнительно – в модели Г. Кельзена – могут вынести решение о потере юридической силы и выведении из нормативной системы. Однако пока пришли к данному пониманию, прошло примерно 150 лет, в течение которых парламент считался органом суверенной власти, акты которого, с одной стороны, должны быть согласны с высшим законом, с другой же – не должны поддаваться внепарламентскому контролю соответствия ему.

Статья написана как часть исследовательского проекта «Конституционная юстиция в постсоветских странах: между моделью правового государства и ее местным применением» (№ 2016/23/B/HS5/03648) NCN (Национальный научный центр Польши).

Список литературы

1. Клишас А.А. 2015. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. М., Международные отношения. 556 с.
2. Нуриев Г.Х. 2015. Европейская модель конституционного судопроизводства. М., НОРМА ИНФРА. 223 с.
3. Piotrowski R. 1997. Parlamentarna kontrola konstytucyjności aktów prawnych. Prawo i kontrola jego zgodności z konstytucją. Warszawa
4. Dąbrowski M. 2017. Domniemanie zgodności ustaw z Konstytucją Rzeczypospolitej Polskiej z 1997 roku. Olsztyn.
3. Szymanek J. Emmanuel-Joseph Sieyès. 2016. O sędziie konstytucyjnym: tezy projektu ustawy przedstawionego przez Emmanuela-Josepha Sieyèsa podczas obrad Konwencji w dniu 18 Thermidora roku III (tłumaczenie, opracowanie i komentarz). Studia Prawnicze KUL, 2.
4. Wiszowaty M.M. Jury Konstytucyjne Emanuela Sieyèsa, czyli sędziowie w obronie narodu przed ludem URL: <http://www.konstytuty.pl/archives/2864> (accessed 23 May 2019).
5. Burdeau G. 1969. Traité de science politique. т. IV. Paris.
7. Favoreu L. 1990. Constitutional Review in Europe / Constitutionalism and Rights: The Influence of the United States Constitution Abroad. New York.
8. Sweet A.S. 1990. The Birth and Development of Abstract Review: Constitutional Courts and Policy-Making in Western Europe. Policy Studies Journal, 1.

References

1. Klishas A.A. 2015. Konstitucionnyj kontrol' i konstitucionnoe pravosudie zarubezhnyh stran [Constitutional control and constitutional justice of foreign countries]. М., Mezhdunarodnye otnosheniya. 556 с. (in Russian)
2. Nuriev G.H. 2015. Evropejskaya model' konstitucionnogo sudoproizvodstva [European model of constitutional justice]. М., NORMA INFRA. 223 с. (in Russian)
3. Piotrowski R. 1997. Parlamentarna kontrola konstytucyjności aktów prawnych [Parliamentary control over the constitutionality of legal acts]. Prawo i kontrola jego zgodności z konstytucją [Law and monitoring of its compliance with the Constitution]. Warszawa.

4. Dąbrowski M. 2017. Domniemanie zgodności ustaw z Konstytucją Rzeczypospolitej Polskiej z 1997 roku [Presumption of conformity of laws with the Constitution of the Republic of Poland 1997]. Olsztyn.

5. Szymanek J. Emmanuel-Joseph Sieyès. 2016. O sądzie konstytucyjnym: tezy projektu ustawy przedstawionego przez Emmanuela-Jospeha Sieyèsa podczas obrad Konwencji w dniu 18 Thermidora roku III (tłumaczenie, opracowanie i komentarz) [On the constitutional court: proceedings of the bill submitted by Emmanuel-will HOSPEEM SEACOM during the meeting of the Convention of 18 Thermidora III (translation, design and review)]. *Studia Prawnicze KUL*, 2.

6. Wiszowaty M.M. Jury Konstytucyjne Emanuela Sieyèsa, czyli sędziowie w obronie narodu przed ludem URL: <http://www.konstytuty.pl/archives/2864> (accessed 23 May 2019).

7. Burdeau G. 1969. *Traité de science politique* [Treaty of political science]. т. IV. Paris.

8. Favoreu L. 1990. *Constitutional Review in Europe / Constitutionalism and Rights: The Influence of the United States Constitution Abroad*. New York.

9. Sweet A.S. 1990. The Birth and Development of Abstract Review: Constitutional Courts and Policy-Making in Western Europe. *Policy Studies Journal*, 1.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Залесны Я., Шиманек Я. 2019. Ограничение законодательных полномочий парламента как предварительное условие для установления сбалансированной власти: исторические и конституционные соображения. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 44 (3): 505–512. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-505-512

Zalesny J., Szymanek Y. 2019. Restrictions of the legislative powers of the parliament as a condition for establishing a balanced authorities: historical and constitutional considerations. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series*. 44 (3): 505–512 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-505-512